телю, взывая к его сочувствию».[17] К такому мнению склоняется и В. П. Адрианова-Перетц в своей последней работе о русской сатире XVII в., где она высказывает предположение, «что ... реального адресата и не было, что рассказ о разорении поместья Фуникова лишь облечен в форму послания».[18] Едва ли это так. Хотя в «Послании» подлинное имя адресата и заменено ничего не говорящим «имя рек», но на всем его протяжении чувствуется, что автор обращается к реальному лицу: он упоминает о каком-то «рукописании» адресата к себе, говорит ему — «и милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся», сообщает, что постоянно молится за него; во второй части он говорит адресату: «не единех бо нас постигоша злая, но и всю страну нашу», говорит «о скорбех, постигших нас», объясняет, что описал «не все беды и разорения», чтобы «не наложить» ему (адресату) «скорбь на скорбь», и заканчивает свое «Послание», горестным итогом: «Твоя ж и моя вся взята быша без останка». Очевидно, реальным адресатом Фуникова был кто-нибудь из соседей, какой-то крупный феодал-землевладелец на Тульской же земле. Но, обращаясь к нему, автор «Послания», конечно, мог рассчитывать и на более широкий круг читателей и, может быть, надеялся вызвать их сочувствие к себе. При чтении «Послания», особенно только что цитированных последних его строк, невольно вспоминаются современные «Посланию» челобитные царю Василию Шуйскому от помещиков, имения которых были разорены во время восстания Болотникова. Так, например, тульский же, как и Фуников, помещик — «туленин» Степан Ушаков — жаловался царю на свое разорение: «...и я, холоп твой, на твою царскую службу готов головою своею, а поднятца мне, холопу твоему, не чим, разорен без остатку: твое царское жалованье поместейце у меня было на Туле и то пусто, а животишка, государь, мое разграбили твои государевы изменники... без остатку».[19]

Мне кажется, что в «Послании» можно было бы видеть своеобразную, единственную в своем роде литературную параллель к помещичьим челобитным царю о разорении их поместий восставшими: и в этих челобитных, и в нашем «Послании» одинаково ярко, хотя и совершенно по-разному (в смысле особенностей стиля, формы) отразилась социальная, классовая природа восстания Болотникова.

Однако значение и ценность первой части «Послания» не только в том, что она дает необычайно яркую и реалистическую картину расправы восставших крестьян с крепостником-помещиком, причем эту картину нарисовал сам «потерпевший». Она в то же время является старейшим зафиксированным в рукописи образцом «скоморошьего стиля», той рифмованной народно-прибауточной речи, которая получила широкое распространение в посадской сатирической литературе второй половины XVII столетия и перешла в лубочную литературу XVIII в.

Стремление к ритмической организации речи, к рифмующимся окончаниям отдельных строк или фраз вполне отчетливо определилось уже со второй половины XVI и самого начала XVII в., например, в произведениях Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Андрея Курбского. В таких же произведениях, как «Новая повесть о преславном Российском царстве»,

---

[17] История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 41—42.

[18] В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 237. (Разрядка моя, — *А. Н.*).

[19] Акты времени правления царя Василия Шуйского. — ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 257; там же (стр. 255—256) челобитная двух других «обиженных» восставшими о том, что их «поместейца» «от твоих государевых изменников разорены без остатка». См. также у И. И. Смирнова· Восстание Болотникова, 1951, стр. 500.